

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ДЭДО

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Дэдо / Геннадий Прашкевич. — М.: ЛитСовет, 2015. — 282 с.

ISBN

Том открывается романом «Дэдо» (так когда-то прозвали знаменитого художника Амедео Модильяни) — о будущем, лишенном искусства. Герой романа марсовой матрос Семен Юшин — единственный, кто уцелел из экипажа броненосца «Орел», погибшего в Цусимском бою. Именно Юшину выпадает удача возродить в далеком холодном будущем искусство, вернуть связь будущего с прошлым. В повести «Другой» («Парадокс Каина») рассказана история еще одного бессмертного — в азиатском варианте; кто-кто, а генетики никогда не смогут оказаться в стороне ни от каких политических страстей, даже самых страшных. Наконец, о чрезвычайно далеком будущем, отдаленном от нас миллиардами световых лет, идет речь в повести «Костры миров». Обстоятельства подталкивают героя к конкретному выбору: против кого он? с кем он? Но ведь все мы во Вселенной — родственники, по происхождению. Значит, любая война в Космосе — война гражданская. А в гражданских войнах не бывает победителей.

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 12+

© Прашкевич Г.М., 2014
© ООО «Литературный Совет», 2014

ISBN

ДЭДО

Часть первая СКОРПИОН И ЕГИПТЯНКА

Панглос сказал так:

— Учитель, мы пришли спросить у вас, для чего создано столь странное животное, как человек?

— А тебе-то что до этого? — сказал дервиш. — Твое ли это дело?

— Но, преподобный отец, — сказал Кандид, — на земле ужасно много зла.

— Ну и что же? — сказал дервиш. — Какое имеет значение, царит на земле зло или добро? Когда султан посылает корабль в Египет, разве он заботится о том, хорошо или худо корабельным крысам?

— Что же нам делать? — спросил Панглос.

— Молчать, — ответил дервиш.

Вольгер

ЦУСИМА

Семена Юшина призвали на флот из самой глуши Тамбовской губернии.

Была в Темниковском уезде такая деревенька Гнилой Брод. Окружали ее леса, болота, о море или океане там не знали. Правда, много было волков, к ним в Гнилом Броду относились, как к комарам, — отмахивались. Волк мог выйти из леса и приветливо сказать: «Здравствуй, товарищ!» — на это не обращали внимания. Жизнь текла как везде — сажали картошку, кляли налоги, терпеливо ждали каких-то чудесных событий, дивились на ночные звезды, дышали сырими туманами. Зимой Семен с другими ребятами бегал на замерзшее болото искать подо льдом пузыри вонючего газа. Найдя такой пузырь,

пешней пробивали отверстие, подносили спичку — и поднимался над мерзлым болотом тихий, как бы сонный язык огня.

Короче, уезд был столь дик, что, очутившись в городе, Семен мало чему удивлялся: когда удивляет всё, удивления не замечаешь, бродишь с открытым ртом.

Конечно, Семен и раньше догадывался, что за болотами, окружавшими Гнилой Брод, может оказаться *всякое*, ну, так оно и оказалось. Только перед вывесками модных магазинов Семен задерживался подолгу. Качал стриженной головой, внимательно всматривался в закорючки и палочки, волновался, подмечая неожиданный цвет той или иной плоскости, — мог стоять, пока не заинтересовывал околоточного. Про буквы Семен и раньше слышал, что посредством их определенного соединения можно общаться с ближними, но вот рисунки... Иногда ему казалось, что, может, он и сам бы мог изобразить розовый калач на вывеске булочной или зеленую бутылку над трактиром. Смущенный такой неожиданной мыслью, он приглядывался внимательнее. Вдруг видел отдельные мазки, улавливал мысленно ход кисти, улавливал линии, непонятно почему пересекающиеся именно вот так, а не иначе, можно сказать, что совсем не так, как вывел бы их он сам. Все равно линии и мазки сливались, в конце концов, в рисунок изящного мужского зонта или опрятной человеческой фигуры, к месту (улица все-таки!) украшенной высокой черной шляпой, а то какой-то необычной мебели. Диваны и кресла (не деревянные лавки и табуреты, как в деревне Гнилой Брод) Семен впервые увидел в Крюковских казармах, а потом на броненосце «Бородино», куда был назначен марсовым — спецом по такелажу — после обязательного срока обучения. На флоте, кстати, выявился единственный, зато особенный талант марсового Семена Юшина: одним средним пальцем правой руки он мог поднимать тяжесть, которую с трудом отрывали от земли два комендора. Конечно, не больше, чем на аршин от земли, но зато только одним, только средним пальцем. Всей пятерней не получалось, видно таким уродился.

На флоте Семен узнал еще одну странную для себя вещь.

Обычно выходцев из таких деревенок, как Гнилой Брод, жаба давит. Они скупы, гребут под себя копейку. А Семен, наоборот, в первом же увольнении пропилил вчистую. Хорошо, комендор Стасов знающе подтвердил, что если марсовый любит женщин и хорошую выпивку, значит, не может быть совсем плохим человеком.

Памятуя сказанное, Семен служил ровно и весело. Какого-нибудь морского братка после очередной драки привычно успокаивал: «Казенную фланельку пропилил? Вот дело! Зато с бабой познакомился!»

«Да хорошо ли это?» — вздыхал пропившийся.

На что Семен спрашивал: «Муж-то есть у нее?»

«Говорит, умер», — ободрялся матрос.

«Ну вот, сам видишь. Он уже умер, а ты живешь, — ласково гнул свое Семен. — Он умер, а ты казенную фланельку пропил. Есть разница? *С собой*, что ли, собрался забрать фланельку?»

«Да зачем же?» — пугался браток.

«На воде служим...»

Про броненосец «Бородино» говорили, что с таким неуклюжим утюгом не оберешься беды, но Семен не верил. Громадный корабль вошел в строй прямо со стапелей, ничего удивительного, многое на нем требовало доводки. Котлы, машины, даже руль только-только начинали рабочую жизнь, а ведь даже сапог жмет, пока не разносишь. Семен считал, что лучше его корабля на флоте нет. Конечно, в штормовую погоду «Бородино» сильно заваливало на тот или иной борт, особенно когда бункера под завязку грузили углем; в походе он загадочно терял пресную воду; не раз опасно выкатывался из строя то вправо, то влево, угрожая столкновением соседним кораблям. Никому так часто, как капитану первого ранга Серебренникову, командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой адмирал Рожественский не закатывал отменных скандалов. «Безмозглый нигилист! — адмирал ругался резко, отрывисто. На целую голову торчал над офицерами, длинный, сухой, кричал, как лаял. — Сучья отрыжка! Чухонской лайбой ему командовать, а не броненосцем!»

Когда 14 мая 1905 года над серым горизонтом Цусимского пролива поднялись чуть сбитые ветром густые клубы дымов главных неприятельских сил, команда броненосца «Бородино» немедленно была собрана на шканцах. Энергичнее всех на боевую речь капитана откликнулся троекратным ура марсовой Семен Юшин. Баталер Новиков, участвовавший в том же морском сражении (только на броненосце «Орел»), позже писал о Семене Юшине, что был марсовой в то время и плотен, и плечист. И имел он такие густые усы, что не надо было их склеивать для красоты мылом, — сами устрашающе торчали сразу в две стороны, как пики.

«Слушая капитана, — писал позже баталер, — марсовой Юшин смотрел на него так, как истинно верующий человек смотрит на чудотворную икону».

В батареях, казематах, на мостиках во всю мощь загрохотали скорострельные орудия. Перекрывая их трескотню, ударили шестидюймовые башни. С первых минут боя огонь японской эскадры сосредоточился на флагманском броненосце «Суворов», хотя и всем другим тоже отменно перепало.

«Юшин выпрямился, — писал позже баталер в своей хронике Цусимского сражения, — и тут только заметил, что «Бородино»

выкатился из строя вправо и шел в одиночестве. Что-то случилось с рулевым управлением, вероятно, заклинился штурвал в боевой рубке. Но минут через пятнадцать повреждения были исправлены. Когда броненосец поворачивал, чтобы вступить на свое место, Юшин взглянул в орудейный порт. Сбоку боевой колонны, кабельтовых в десяти, горел броненосец «Ослябя», зарывшийся носом в море по самые клюзы. Увидел это и командир каземата Беннигсен, отметивший как бы про себя: «Недолго продержится на воде...» — «Бить их нужно, ваше благородие, японцев-то» — словно пьяный, заорал Юшин.

Броненосцу «Бородино» тоже сильно не повезло.

По ходу боя крупнокалиберный японский снаряд разорвался у входа в рубку, полностью разрушив капитанский мостик. Старший штурман Чайковский и младший штурман де Ливрон были убиты на месте, минера Геркена контузило. Старший артиллерист лейтенант Завалишин попытался спуститься с разрушенного мостика, но осколками ему разворотило живот. Тем же снарядом убило всех находившихся в рубке телефонистов и рулевых, а капитану первого ранга Серебренникову оторвало кисть правой руки. Командовать броненосцем он уже не мог, и управление перешло в центральный пост — к старшему офицеру капитану второго ранга Макарову. Выходили из строя орудия и люди, позже скрупулезно указывал в своей хронике баталер Новиков, разрушались приборы, увеличивалось число пробоин в бортах. Управлять броненосцем из центрального поста оказалось делом нелегким. Чтобы видеть панораму боя и контролировать его течение, командир должен был постоянно находиться на батарейной палубе или в одной из орудейных башен. Распоряжения отдавались по переговорной трубе сперва в центральный пост, расположенный глубоко в недрах корабля, а уже оттуда, повторенные другими офицерами, поступали к тем, кто должен был исполнять эти распоряжения. Грохот выстрелов, взрывы неприятельских снарядов, громкие выкрики трюмно-пожарного дивизиона, отчаянные вопли и стоны раненых приводили к тому, что слова распоряжений путались, передавались неправильно.

Вышел из строя флагманский броненосец «Суворов»...

С разбитым бортом носовой части, с пробоинами по ватерлинии, с накренившейся от взрыва десятидюймовой носовой башней, с неустранимым пожаром на носовом мостике и на рострах, сел носом на клюзы, «Ослябя»...

Запылал «Александр III»...

Когда за головного остался броненосец «Бородино», японцы сосредоточили весь огонь на нем. Казалось, удары тысячпудовых молотов обрушились на содрогающийся корабль. Броненосец запылал сразу весь, как деревенская изба. Горели кают-компания, адмиральские помещения, ростры, кормовые мостики, на которых рвались сорокасесимил-

лиметровые патроны. Горела мягкая и деревянная мебель. Горели пластыри, койки, матрацы. Горели мешки, парусиновая изоляция паровых труб, краска на переборках, шпаклевка. Языки пламени дотягивались до марса грот-мачты. Едкий дым, смешанный с пороховыми газами, через вентиляцию проникал даже в нижние отделения. Марсовой Юшин, работая у орудия, не успевал откашливаться. На его глазах убило осколком поручика Беннигсена. Когда с трапа сбежал встрепанный сигнальщик и бешено заорал: «Где офицеры?», Юшин прохрипел в ответ: «Вот один валяется». И сам так же бешено заорал: «Что наверху?» — «Наверху начальства никого не осталось! Некому командовать кораблем».

Когда орудие отказало, Юшин бросился наверх.

Пробегая мимо каюты старшего офицера, остановился.

Старший офицер Макаров однажды остановил Семена и ласково ему сказал: «Не нравится мне, матрос, что бодрости в тебе так много». Но вообще о старшем офицере Семен ничего плохого не думал и был здорово испуган, увидев его каюту. Наружную переборку полностью снесло взрывом, но на противоположной стене чудом держалась фотография броненосца «Бородино». Свет падал так странно, что боевой корабль казался горящим и на фотографии.

Пока работали машины, «Бородино», весь в огне, шел по румбу, заложенному последним убитым офицером, а значит, вся русская эскадра, несмотря на то, что на других кораблях оставались еще и капитаны, и старшие офицеры, послушно тянулась за пылающим броненосцем. Иначе и быть не могло. Задолго до боя командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой адмирал Рожественский отдал категорический приказ: при выходе из строя головного корабля, эскадру ведет следующий мателот.

«Спасайся! Спасайся!»

Юшин бросился к трапу, ведущему на палубу.

И тут же с грохотом сверкнула ослепительная молния.

Марсового подбросило вверх, он ударился плечом о палубу.

Вскочив, с ужасом увидел у своих ног оторванную человеческую голову. Даже вскинул вверх руки: его это голова или чужая? Орудия на палубе были разбиты, вылетели из цапф, жадный огонь стремительно рвался к груде патронов, недавно поднятых из погребов.

«Беги на корму, браток!»

Пробраться по горящему кораблю оказалось невероятно трудно.

На каждом шагу валялись куски искореженного железа, опрокинутые, разбитые взрывами переборки. В нелепых позах застыли в переходах трупы. Пороховыми газами разъедало слезящиеся глаза. На батарейной палубе Семен живых людей никого не увидел и содрогнулся от мысли, что, возможно, остался совсем один.

Окликая братков, не слыша ответов, Семен взбежал на верхнюю палубу.

Смеркалось. Крен на правый борт увеличился. Мачты броненосца давно снесло, дымовые трубы едва держались, кормовой мостик опрокинуло. По правому траверзу еле просматривался сквозь мглу взметаемых в воздух брызг и осколков броненосец «Орел», с кормы до носа окутанный черным ужасным дымом.

В какой-то оторопи Юшин бросился обратно в носовой каземат, но и там никого не нашел. Понимая, что не должна вся эскадра тащиться за мертвым, в сущности, кораблем, он снова вылез на верхнюю палубу. В этот миг броненосец страшно содрогнулся сразу от нескольких прямых попаданий и резко повалился на правый борт.

В открытые орудийные порты хлынула ледяная вода.

Очнулся Юшин от холода.

Прямо перед ним над вспененной качающейся морской водой чудовищным ослизлым горбом возвышалось мрачное днище его перевернувшегося броненосца. Огромные винты работали, вода бурлила, тут и там мелькали головы кричащих моряков. Кто-то вскарабкался на мрачный горб и протянул руку Юшину, но марсового волной отнесло в сторону.

Как в страшном сне, Юшин видел пылающие русские броненосцы.

Грохотало небо, грохотал пролив. Огненные смерчи пронизывали воздух.

К длинным серым волнам прилипали клочья дыма, раскачивались вместе с ними. «Николай I», играя светом фонарей системы Табулевича, увеличил ход, пытаясь встать во главе эскадры. За ним шли объятые огнем «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков», «Сисой Великий» и «Наварин». Последним прошел узанный Юшиным по силуэту крейсер «Нахимов», странно безмолвный, сильно отстающий.

Вцепившись в обломки рангоута, Юшин жадно всматривался в сумерки.

Холодные волны Цусимского пролива швыряли марсового то вниз, то вверх.

Вдали совсем уже нестрашно вспыхивали огоньки выстрелов. Волнующаяся вода ломалась, как зелень бутылочного стекла. Вот не купил краски, в полуобмороке ругал себя Юшин, а мог, мог. Сейчас нарисовал бы такое. Только в час ночи, сказано в известной хронике, команда японского миноносца выловила из воды голого человека. Как оказалось, из девятисот человек экипажа броненосца «Бородино» в живых остался только марсовой Семен Юшин.

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ СЛАДКАЯ СУЧКА

Японский плен повлиял на характер Юшина.

В лагере для военнопленных он подружился с баталером Новиковым. «Лучше бы этот самурай прикончил нашего Николашку, — ругался боевой баталер, поминая японского полицейского Тсуду Санца, на улице Кокара сабелькой когда-то ударившего посетившего Японию цесаревича, будущего русского царя. — Смотришь, сейчас бы и войны не было».

В августе 1905 года Россия все же заключила мир, но с отправкой военнопленных на родину ответственные русские чиновники не спешили. Им не хотелось вливать прошедших огонь и воду людей в ряды и без того всем недовольных сограждан. Из небольшого городка Кумамоту, где располагались лагеря, русских матросов и офицеров перевели в Нагасаки, — сюда должен был придти за ними пароход Добровольного флота «Владимир». От нечего делать Семен Юшин с точностью до дня подсчитал, что в октябре 1904 года он отправился в поход на восток, чтобы наказать микадо за неуважение к русскому флагу, и вот только в январе 1906 года собирается вернуться. Хорошо, что к этому времени правительство России выдало морякам береговое жалованье и морское довольствие. Да еще за доблесть в бою каждый получил дубленый полушубок, папаху и валенки.

Папаху и валенки Семен пропил, но полушубок держал при себе.

И полученные деньги тратить не торопился. Все же деньги были хорошие, нет слов. Ни до ни после Семен уже никогда таких денег не видел. Ждал с нетерпением: вот в России уволится с флота, купит в деревне добротный дом и корову.

Раз Господь уберет в бою, значит и потом не обидит.

Все, наверное, так бы и получилось, но однажды на островке Катабоко, защищающем бухту Нагасаки от свежих морских ветров, поддавший хорошо баталер Новиков затащил Семена в маленькую японскую деревеньку Иноса, хорошо известную русским морякам. Еще за много лет до войны русское правительство купило здесь клочок уютной скалистой земли, на котором вырос целый городок — шлюпочный сарай, поделочные мастерские, госпиталь, прекрасное здание морского собрания, где офицеры, а иногда и нижние чины (в знак особого поощрения) могли сразиться в бильярд или посидеть в библиотеке. Рядом, в недорогой гостинице «Нева», свили гнездышко проститутки. На узких улочках раздавалась русская, японская, английская, китайская, даже голландская речь. Детальное знакомство с прелестями деревеньки Иноса закончилось для Семена тем, что он горячо влюбился в некую Жанну, прибывшую сюда подработать аж из самого Парижа.

Корабельный инженер В. П. Костенко, встречавший Семена в плену, позже так написал. *«С броненосца «Бородино» был подобран японским миноносцем марсовый Юшин, который пробыл в воде несколько часов, держась за связку шлюпочных весел. Когда мы увидели его, то невольная дрожь пробежала по телу. Казалось, в его глазах навсегда запечатлелся ужас пережитых им потрясений и он утерять всякую радость и ощущение жизни. Он в полном смысле имел вид выходца с того света».*

Инженер несколько преувеличивал.

Марсовой Юшин быстро пришел в себя.

Радуюсь жизни, валялся иногда с Жанной в постели.

Тоскующая по дому француженка, не умолкая, бормотала, нашептывала о своей далекой стране. Поначалу Семену французская речь казалась нелепым горловым клёкотом, полным неясных носовых звуков. Одно время он считал, что Жанна, наверное, просто простужена или с носом у нее не порядок, даже предлагал клетчатый носовой платок, но потом привык, начал различать отдельные слова, вообще многому научился. А Жанна продолжала думать, что русский магрос французского языка как не понимал, так и не понимает. Добрый от природы, Семен не показывал своих знаний, чтобы уберечь француженку от душевных травм. К тому же, с каждым днем Жанна нравилась ему все больше и больше.

Ну, а шепот картавый... Так мало ли...

Ну, шепчет о каком-то сумасшедшем доме... Дескать, никак невозможно в таком доме жить... А тетушка Розали приобрела большие стулья, мраморные столы и кухонную утварь за сорок пять франков, теперь подает в этом сумасшедшем доме наваристый суп, пикантные сыры, закуски и непременно «блюдо дня», ею же изобретенное. И никогда не подает гостям добавки. Будучи социалисткой, сразу начинает орать, что не потерпит, чтобы какой-нибудь наглец съедал в ее домашнем кафе больше, чем на пять франков. *«Соваж, дикари!»* — так ругается.

Неизвестная тетушка Розали казалась Семену дурой. И такими же дураками казались Семену постоянные гости сумасшедшего дома: некий Дэдо (грузин, может?), приятель Жанны, и еще один ее приятель, имя которого Семен не запомнил. Неясно, чем они там у Жанны занимались. Ну, выпивали, это понятно. А потом?

— Они сумасшедшие? — не выдержал однажды Семен.

— Они художники, — гордо ответила Жанна. Она сама теперь немного говорила по-русски. — Их ждет большая слава. Может, слава уже пришла к ним, а я все еще сижу в Японии.

И тревожно спрашивала:

— Ты знаешь, что такое слава?

— Конечно, — вспоминал Семен. — На крейсере «Нахимов» служил комендор Ляшко. Он мог за раз выпить литр белой и не закосеть.